

Чэню Гэ приснился странный сон: огромный питон обвил его тело, сдавливая всё сильнее и сильнее. Холодная чешуя была скользкой и влажной, липкое прикосновение вызывало дрожь. Змей раздвоенным языком пробовал воздух у самого его лица, обдавая ледяным дыханием, а алые глаза, казалось, высасывали саму душу.

Задыхаясь в этой мертвой хватке, Чэнь Гэ отчаянно забился, и вдруг змей заговорил человеческим голосом:

— Иди... иди...

— Вставай, Чэнь Гэ! — раздался резкий шепот Ли Хуна. В нем слышались одновременно ярость и жгучий стыд.

Сквозь туман сна Чэнь Гэ почувствовал, что его трясут. Голос друга звучал глухо, будто тот изо всех сил пытался сдержаться. В серых рассветных сумерках ресницы Чэнь Гэ дрогнули, и он открыл глаза. Он затуманенным взором посмотрел на разгневанное лицо Ли Хуна.

— Если ты сейчас же не встанешь, — прошипел Ли Хун, чеканя каждое слово, — клянусь, я тебя придушу.

Тут только Чэнь Гэ осознал, что мертвой хваткой вцепился в Ли Хуна. Но хуже было другое: в паху ощущалось нечто мокрое, теплое и липкое. Неужели... Да быть не может!

— Я... обмочился? — в ужасе выпалил Чэнь Гэ.

Ли Хун мгновенно зажал ему рот ладонью.

— Заткнись! Живо за мной.

Чэнь Гэ вскочил, едва не споткнувшись. Лицо его полыхало, а в голове метался истошный вопль: «Твою мать! Я обмочился! Прямо во сне! Прямо на него! Господи, позор-то какой, жить неохота!»

Повесив голову, он поплелся за Ли Хуном. Они на цыпочках прокрались к небольшому пруду. Чэнь Гэ мечтал провалиться сквозь землю или обернуться страусом, лишь бы спрятать голову в песок.

Ли Хун, не медля, сбросил одежду и обувь. Под лучами раннего солнца его кожа казалась бронзовой; худощавое, жилистое тело с рельефными мышцами выглядело крепким и ладным, лишь на спине белели шрамы. Раздался громкий всплеск — он нырнул в воду.

Чэнь Гэ стоял на берегу, боясь поднять глаза, но случайно скользнул взглядом по брошенным

штанам друга. Сердце ушло в пятки: «О нет... я и нижнее белье ему испачкал?»

Заметив этот исполненный ужаса взгляд, Ли Хун покраснел еще гуще. Он сгреб свои вещи в охапку, швырнул их в воду и, одарив Чэнь Гэ свирепым взглядом, уплыл в дальний угол пруда — стирать.

Атмосфера была не просто неловкой — она душила. Оба парня, раскрасневшиеся, как пара вареных томатов, барахтались в этом крошечном водоеме, стараясь не смотреть друг на друга.

Чэнь Гэ набрал в легкие воздуха и ушел на глубину, надеясь, что холодная вода остудит его стыд. Пруд был неглубоким — стоило выпрямить ноги, как он касался дна. Свет хорошо проникал сквозь толщу, освещая танцующие ярко-зеленые водоросли. Но кое-что показалось ему странным: дно было не илистым, а каким-то подозрительно гладким.

Любопытство, как всегда, пересилило страх. Чэнь Гэ подплыл ближе, вглядываясь в странную поверхность. И в ту же секунду он округлил глаза.

Над водой в это время Ли Хун закончил со своими вещами. Он заметил неподалеку груды грязного тряпья — лохмотья, в которых был Чэнь Гэ. Черно-красные, пропитанные кровью и грязью, они напоминали сброшенную змеиную кожу.

Ли Хун хмыкнул, едва заметно улыбнувшись, и, подплыв к берегу, нехотя принялся стирать и этот хлам.

Вдруг поверхность пруда взорвалась чередой пузырей. Ли Хун замер, а через мгновение нырнул и вытащил на поверхность бьющегося в конвульсиях Чэнь Гэ.

— Кха! Кха-кха! — Чэнь Гэ жадно хватал ртом воздух, выплевывая воду.

Он вцепился в край берега, содрогаясь от кашля. Ли Хун тут же оказался рядом, похлопывая его по спине.

В этот миг утреннее солнце пробило плотную пелену облаков, заливая всё вокруг золотом. Ресницы Чэнь Гэ дрожали, в уголках глаз заблестели слезинки, а капли воды на его лице вспыхнули, точно россыпь жемчуга. Солнечный свет очертил его профиль, подчеркивая прямую линию носа и волевой подбородок.

Ли Хун на мгновение замер, замороженный этой картиной. В памяти всплыли обрывки их странного знакомства, и он, повинувшись какому-то безотчетному порыву, протянул руку к лицу друга.

Но Чэнь Гэ вдруг распахнул глаза и, вцепившись Ли Хуну в плечи, истошно завопил:

— Там... там... а-а-а!

Ли Хун вздрогнул, его рука соскользнула и глубоко увязла в прибрежной тине. Положение получилось двусмысленным: он буквально «прижал» Чэнь Гэ к берегу в странном подобии объятия.

Чэнь Гэ, обезумев от страха, не заметил неловкости. Он отчаянно карабкался на сушу, едва не затоптав друга. Выбравшись, он обернулся и увидел, что Ли Хун посинел лицом и выглядит, мягко говоря, неважно.

Чэнь Гэ помог ему вылезти, не заметив, как в суматохе Ли Хун ударился носом обо что-то — из носа друга потекла кровь.

— Там покойники! Призраки! Внизу! — Чэнь Гэ тыкал пальцем в воду.

Ли Хун вытер кровь тыльной стороной ладони, его взгляд обещал Чэнь Гэ долгую и мучительную смерть. Он начал стремительно одеваться, процедив сквозь зубы:

— Ты труп, Чэнь Гэ. Если это опять твои шуточки... Клянусь, я привяжу тебя к камню и сам утоплю в этом пруду.

Чэнь Гэ прикрыл рот рукой и, выглядывая из-за плеча друга, снова указал на воду.

— Да что ты там... — Ли Хун обернулся.

Из глубины медленно всплывали два тела. Раздувшиеся, с белесой кожей, которая, казалось, вот-вот лопнет. На шеях зияли гнилостные дыры. Трупы лениво кружились в воде, медленно дрейфуя к берегу.

Ли Хун промолчал. Он просто развернулся и зашагал прочь.

— Эй, подожди меня! — закричал Чэнь Гэ, на ходу подтягивая штанины.

Вид у Ли Хуна был такой, будто он только что проглотил жирную муху. Они шли гуськом сквозь заросли пожухлой полыни. День выдался пасмурным: тяжелые тучи неслись по небу, солнце то выглядывало, то скрывалось, а выжженная земля казалась безжизненной. Поздняя осень во всей красе — унылый пейзаж, напоминающий картину, написанную тушью.

— Это те циньские солдаты, которых мы убили тогда ночью, — подал голос Чэнь Гэ, догоняя друга. — Мы их не побоялись, когда они были живы, что теперь-то пугаться?

Сказал так, будто это не он рыдал от ужаса той ночью. Чэнь Гэ опустил голову и пробормотал:

— Я снова вспомнил Сяо Чжао Ци.

Ли Хун резко остановился. Чэнь Гэ по инерции врезался ему в спину, уткнувшись носом в мокрую, пахнущую травой одежду. Перед глазами всё еще стояли те раздутые трупы.

Ли Хун помолчал, а затем приобнял Чэнь Гэ за плечи. Так, поддерживая друг друга, они брели по бескрайней увядающей равнине.

— Может, не пойдешь? — негромко спросил Ли Хун, склонив голову к плечу друга. — Возвращайся со мной. Моя семья в царстве Чжао имеет вес. Искать человека вместе легче, чем в одиночку.

Чэнь Гэ покачал головой. Царство Чжао не выстоит. Пройдет несколько лет, и Цинь объединит Поднебесную — он знал это наверняка. Но что толку от знаний нескольких строк из учебника истории? Он не герой и не великий муж.

В потоке времени человеческая история — лишь краткая глава, исписанная кровью и сталью. Кто прав? Кто виноват? Где победа, а где справедливость? Сегодня тебя угнетают, завтра ты вырываешь плеть из рук мучителя и начинаешь хлестать его сам.

У него не было чувства соприкосновения с этим миром. Ни дома, ни корней. Одинокая чайка между небом и землей.

— У каждого свой путь, через который нужно пройти в одиночку, — ответил он Ли Хуну. — Моя цель — уничтожить источник заразы, пока всё не стало совсем плохо. Я найду брата, и тогда мы придем к тебе. Спасибо, что помог мне в самый трудный час. Неважно, сколько пройдет — десять дней или десять лет, ты всегда будешь моим самым дорогим другом.

Они вышли к широкому разливу воды — по сути, просто огромной луже на низине. В зеркальной глади отражались бегущие облака. Отражение было зыбким и нечетким, точно сама жизнь.

— Как думаешь, настанет ли время, когда Поднебесная станет единой? — вдруг спросил Ли Хун.

— В одной книге я читал: «Силы мира сего, долго будучи разделенными, стремятся к объединению; долго будучи объединенными, стремятся к распаду». Думаю, это правда.

Ли Хун усмехнулся:

— Кажется мне, ты знаешь куда больше, чем говоришь.

— Ничто не предопределено, — пожал плечами Чэнь Гэ. — Если я скажу, что завтра ты умрешь, ты что — перестанешь жить сегодня?

На мгновение Чэнь Гэ показалось, что в этой мутной воде он видит свое собственное туманное будущее.

Ли Хун хмыкнул и замолчал. Время будто застыло. Двое юношей, прошедших через смерть, стояли на пороге расставания. Короткое знакомство, искренняя дружба — и долгое забвение впереди.

— Пора, — серьезно сказал Ли Хун, глядя вдаль. — Хочешь уйти — иди сейчас.

Чэнь Гэ кивнул и легонько хлопнул друга по плечу:

— Береги себя. И брату Чуаню передавай привет.

Ли Хун сел на землю, закусив сухую травинку. Он молча смотрел, как белая фигура удаляется на восток, становясь всё меньше, пока совсем не исчезла из виду.

А потом он не выдержал и разразился диким хохотом.

Спустя четверть часа...

Янь Чуань с выражением крайнего страдания на лице тащил Чэнь Гэ за шиворот обратно к Ли Хуну. На голове Чэнь Гэ, в его густых кудрях, как в уютном гнезде, устроилась сова Чан Эр, прикрыв глаза и поджав когти.

— Солнце в полдень — на юге. До этого оно на юго-востоке, после — на юго-западе, — Янь Чуань бросил Чэнь Гэ у ног Ли Хуна. — Господин! Ну почему вы его не предупредили?

— До обеда на юго-западе... — бормотал вконец запутавшийся Чэнь Гэ.

Ли Хун покатывался со смеху.

— Он ведь в Цинь собрался. В Сяньян!

Янь Чуань достал из рукава свиток пергамента.

— Просто запомни: солнце встает на востоке и садится на западе, но всегда клонится к югу. Я набросал карту. До Сяньяна путь неблизкий, кругом заставы. Она не идеальна, но лучше, чем ничего.

Чэнь Гэ закивал, как китайский болванчик, и полез обниматься к Янь Чуаню, отчего тот заметно смутился.

— Ты же говорил, что видишь звезды горы Линшань? — подколот Ли Хун. — Мир меняется, но Гора Линшань всегда на западе. Вот и ищи.

Чэнь Гэ посмотрел на белесое небо:

— Тучи кругом, ничего не видно.

Заметив, что Чэнь Гэ вот-вот расплачется, Ли Хун решил сменить тему. Он расстелил карту на земле и принялся деловито объяснять:

— Чтобы попасть в Цинь, тебе нужно обогнуть горы Тайханшань с севера, пройти через Бинчжоу в Линьфэнь, а оттуда к Хань Юаню. Переправишься через переправу Лунмэнь, попадешь в Ханьчэн, а там и до Сяньяна рукой подать.

Северный путь — самый надежный. Сына дутуна в Бинчжоу зовут Сунь Синь, он мой хороший знакомый. Покажешь ему мою вещь, он поможет справить подорожную. Скажешь, что ты купец. В Цинь строго с проверками, но к торговцам относятся лояльно. Главное — не влипни ни во что. Понял?

Чэнь Гэ прищурился, глядя на карту:

— Имена я всё равно не запомню. В общем, идти на север, так?

Янь Чуань вздохнул:

— Северный путь — это значит обойти горы с севера, но идти-то нужно на юго-запад. Может, вернешься с нами, всё подготовим?

— Нельзя ждать, — отрезал Чэнь Гэ. — Буду идти на юго-запад. Я умею спрашивать дорогу, не пропаду.

Ли Хун, хоть и ворчал, терпеливо учил его ориентироваться по карте. Чтобы попасть из царства Чжао в Сяньян, нужно пересечь Хуанхэ. Основных переправ три: переправа Лунмэнь, переправа Пуцзинь и Маоцзинь.

Переправа Лунмэнь — старейшая, русло там узкое, купцы обычно ходят через неё. Переправы Пуцзинь и Маоцзинь находятся в районе Хэло. На переправе Пуцзинь течение спокойное, много городов, но чем больше городов — тем сложнее пройти заставы. К тому же Хэло — лакомый кусок, за него вечно воюют. Маоцзинь же рядом с заставой Ханьгу, там охрана такая, что и мышь не проскочит.

Чэнь Гэ решил послушаться совета друзей и идти в обход Тайханшаня — заодно и «паспорт» получит.

На прощание Ли Хун отдал ему тот самый миниатюрный арбалет, которым Чэнь Гэ поджигал фитили. Вещь незаметная, крепится на запястье — в рукаве не видно, для самообороны в самый раз. К тому же на внутренней стороне был вырезан родовой знак семьи Ли — отличная верительная грамота.

Чэнь Гэ пришел ни с чем, а уходил с арбалетом. Ли Хун, не выдержав, отдал ему свой кожаный бурдюк, кошель с деньгами и еще кучу мелочей, навьючив всё это на парня. В конце он звонко шлепнул Чэнь Гэ по заднице и крикнул:

— Пошел!

Чэнь Гэ от этого шлепка пролетел пару метров. Потирая ушибленное место, он побрел прочь, не оборачиваясь. Лишь поднял руку и помахал в воздухе.

Спустя какое-то время он вошел в густой лес. Тучи сгустились, прогремел гром, и начался нудный осенний дождь. Чэнь Гэ шел не спеша, точно прогуливался в парке. Его защитный костюм отлично держал воду и огонь, разве что против ножа был слабоват.

Но одно не давало ему покоя. Он шел и думал: «Если костюм водонепроницаемый, то почему, когда я обмочился во сне, у Ли Хуна промокли даже трусы?»

Удивительный мир эта древность: что ни шаг — то загадка.

Вспышка молнии расколола небо надвое. Чэнь Гэ замер, любуясь мощью стихии.

А высоко над лесом, сквозь дождь и ветер, за ним медленно летел огромный золотой гусь.